

Э. В. Галажинский, В. Е. Клочко
Предметом психологии является человек

Тенденции развития психологической науки. Сущность и предназначение транспективного анализа (Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Разд. «Тенденции развития психологической науки. Сущность и предназначение транспективного анализа». С. 46–56)	2
Теория психологических систем как методологическая база системной антропологической психологии (Галажинский Э. В., Клочко В. Е. Категория “отношение” в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). С. 16–21.)	6
Системная антропологическая психология: методологическое введение (Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. С. 40–41.)	11
Субъект деятельности — человек (Галажинский Э. В., Клочко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 16–25)	12
Целостный человек (Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Глава 2. Системная антропологическая психология. Методологическое введение. Раздел 2.2. Целостный человек как предмет психологического исследования. Философия и психология многомерности. С. 59–61)	17
Человек — психика — дух (Галажинский Э. В., Клочко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). 2011. С. 14–31)	21
Мир человека в целостном человеке (Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Раздел «Системная антропологическая психология». Методологическое введение. Целостный человек как предмет психологического исследования. С. 70–77)	23

Тенденции развития психологической науки.

Сущность и предназначение транспективного анализа¹

«Психология, — пишут В. Е. Клочко и Э. В. Галажинский, — начала свой путь с определения эмпирической области явлений, полученных с помощью самонаблюдения и отнесенных к сфере психических явлений. Она продолжает этот путь, все более расширяя и углубляя знание об этих феноменах. **При этом она всегда прекрасно понимала, что эти феномены принадлежат человеку и значит, исследуя их, она изучает человека** (Выделено мной — С. Р.). Однако только сегодня к психологам по настоящему приходит осознание того, что **предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая практически еще не изучена в ее взаимоотношениях со своим целым** (Выделено мной — С. Р.).

Достаточно резко, но справедливо, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев указывают на “нищету психологии”, не способной выстроить свои собственные основания. “Простая мысль, что если человеческая психика — это одно из свойств человеческой реальности вообще, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство (выразить его в понятиях), необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, чтобы мочь что-то сказать о его свойствах, в том числе и о психических. Но именно этого психология и не делает, оставляя вопрос о сущности в лучшем случае какой-либо из модных философий, а в худшем — господствующей идеологии”².

А каким образом целостный человек вообще может стать предметом психологии? Это возможно только в том случае, если человек предстанет в психологии в качестве системы — открытой, саморазвивающейся, самоорганизующейся, а психика (сознание)

¹ Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Разд. «Тенденции развития психологической науки. Сущность и предназначение транспективного анализа». С. 46–56.

² Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 4.

начнут изучаться в качестве важнейшего звена, обеспечивающего самоорганизацию и саморазвитие человека (Выделено мной — С. Р.). “Освоение саморазвивающихся систем, — указывает В. С. Степин, — предполагает новое расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность”³.

По мере развития психологического познания, становится понятно, что другие науки, изучающие человека, могут себе позволить абстрагирование от целостного человека, но уникальность психологии в том, что она себе этого позволить не может. Нельзя открыть функцию психики, изучая ее саму, и продолжая строить догадки о том, для чего предназначено это сложнейшее устройство, и что оно могло бы делать — *для человека, или с человеком, или вместо человека.*

Первыми пришли догадки о том, что делает психика «вместо» человека — о “психической деятельности” и “деятельности сознания” до сих пор пишут без кавычек. С этих догадок начала свое самостоятельное движение научная психология, выходя из взрастившего ее лона философской мысли. Здесь пока еще совпадали объект науки (сознание) и предмет исследования (осознаваемое), адекватный методу (самонаблюдение, интроспекция). **Поэтому человек был избыточен для классической психологии** (Выделено мной — С. Р.). Таковым он остается и для различных вариантов неоклассицизма, все еще возникающих в психологии. **Вместо человека здесь действует сознание, которое и принимает решения, в том числе и решения о том, что нужно осознать, а что не стоит, строит гипотезы и само же их верифицирует** (Выделено мной — С. Р.).

В неклассической науке появился человек — пусть вначале и не целостный, “урезанный” до личности, субъекта или сознательного индивида, но все-таки с ним уже надо было считаться (Выделено мной — С. Р.). Теперь уже не проходила идея сознания, работающего вместо человека, но стал доминировать образ

³ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа:

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml>

сознания (психики) как органа, “вмонтированного” в человека и что-то делающего с человеком, который, вследствие этого, оказывается подчиненным у начальствующего, ему же принадлежащего органа. Этот образ и определял направленность предположений (догадок) о функции сознания (психики): сознание регулирует деятельность, психика отражает мир и тем самым ориентирует человека в нем.

В постнеклассической науке (Выделено мной — С. Р.), вырастающей на базе тех противоречий, которые накопила неклассическая наука, и еще больше на базе тех находок и открытий, которые ей удалось сделать, **выстраивается новая линия поиска функции психики**. Вопрос вновь переориентируется: *теперь это уже не вопрос о том, что делает психика вместо человека, не вопрос о том, что делает психика с человеком, это вопрос о том, что делает человек и какая психика ему нужна, чтобы он мог делать свое дело* (Выделено мной — С. Р.).

Будучи элементом человека, его важнейшей частью, психика у человека именно такая (а не другая, не любая) потому, что, являясь именно такой (а не другой), она и позволяет человеку исправно выполнять свою человеческую миссию и предназначение. И поскольку мы не знаем в полной мере собственной миссии и предназначения, постольку мы не можем пока определить психику в ее функциональных, иерархических, субординационных, координационных связях со своим целым. **Однако все яснее становится, что нельзя дальше изучать психику в надежде построить системное знание о ней, продолжая удерживать ее в качестве полного (замкнутого на себя) предмета науки** (Выделено мной — С. Р.).

Антропологизация психологического познания уже видна как тенденция, но сама эта тенденция еще не понята как выражение тех закономерностей, которые определяют самодвижение психологического познания, и тех механизмов, которые обеспечивают саморазвитие науки как прогрессивного (“вперед и вверх”) движения психологической мысли (Выделено мной — С. Р.).
<...>

Психология явно демонстрирует тот факт, что и на нее распространяется закономерность смены идеалов научной рациональности, обнаруженная в других науках (Выделено мной —

С. Р.). Ведь неклассика как раз и имеет дело с саморегулирующимися системами. Эта мысль стала осознаваться учеными сравнительно недавно: сама указанная “триада” была введена в оборот только в 1989 г.⁴

С тех пор постепенно стала оформляться идея о том, что простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке, а миссией постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы (Выделено мной — С. Р.).

Стоит заметить, что практически все, кто сегодня говорит и пишет о постнеклассическом этапе развития психологии, охотно пользуются указанной типологией, но при этом уклоняются от обсуждения проблем, связанных с выделением ключевого признака этой типологии. А этот признак как раз и заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект.

Следовательно, уже сегодня необходимо говорить о смене уровней системности психологического мышления, в призме которого открываются и **новое понимание психологической реальности, и новое представление о методах ее познания** (Выделено мной — С. Р.). Приходит пора и психологам заняться непростым трудом профессионального самоопределения: “Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, **два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как «отражении» реальности, второй — в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь**”, — пишет О. К. Тихомиров (Выделено мной — С. Р.).<...>

Если наука (“человекоразмерная система”) прогрессирует как открытая система, если человек в своем становлении подчиняется неким закономерностям, осознать которые можно только в рамках представления о человеке как открытой саморазвивающейся системе, то должен быть отработан и **определенный способ познания**

⁴ *Степин В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

процессов становления, адекватный для сложных “антропоразмерных” систем. Таким методом, по нашему мнению, и является транспективный анализ (Выделено мной — С. Р.).

Транспективный анализ сформировался на базе постулатов, на которых закладывалась аксиоматическая база теории самоорганизующихся психологических систем (ТПС), каковые и составили методологический каркас системной антропологической психологии (Выделено мной — С. Р.)⁵.

Теория психологических систем как методологическая база системной антропологической психологии⁶

«Думается, — пишут Э. В. Галажинский и В. Е. Ключко, — что вовсе не случайно именно сегодня категория “отношение” стала предметом обсуждения на страницах психологического журнала. Оптимистический взгляд пытается уловить в этом признак того, что наша наука поднялась (или приближается) к такому уровню методологической культуры, на котором можно более адекватно ставить и решать задачи повышенной сложности (Выделено мной — С. Р.), т. е. такие задачи, которые возникали на более ранних этапах становления науки, но не находили приемлемого решения. К числу таких проблем можно отнести весь проблемный комплекс, центрируемый понятием “отношение”. <...> Представление о том, что отношение включено в акт взаимодействия, что именно своей включенностью в сердцевину взаимодействия отношение придает взаимодействию направленный и избирательный характер, является ключевым для теории психологических систем (ТПС), на методологической базе которой усилиями сибирских психологов сегодня формируется

⁵ Ключко В. Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореферат дис.... д-ра психологических наук. М. 1991; Ключко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8–9. С. 7–15; Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск. Изд-во Том. ун-та. 2005. С. 189.

⁶ Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Категория “отношение” в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). С. 16–21.

системная антропологическая психология, с позиций которой и подготовлена данная работа (Выделено мной — С. Р.)⁷.

Всей логикой своего развития психология доказывает тот факт, что отношение является категорией, которую нельзя рассматривать как рядоположенную другим категориям. Если отражение толкуется как всеобщее свойство материи, то отношение есть то, что определяет саму возможность отражения, делая его избирательным, а в живых системах еще и направленным отражением.

Здесь обнаруживается **основная задача психологии**, которую сформулировал Л. С. Выготский, и которую психология после него так и не смогла принять, а, точнее, просто не заметила — **“выяснить, в чем польза того, что *глаз не видит многого* из известного в оптике** (Выделено мной — С. Р.). От низших форм реакции к высшим ведет как бы суживающееся отверстие воронки”⁸. Можно полагать, что **именно отсюда берет начало методология, от которой исходит “ощущение высочайшей методологической культуры”**, позволившая Ст. Тулмину назвать Л. С. Выготского **“Моцартом в психологии”**: **отказ от понимания психики как отражения и признание другого ее предназначения — «психика есть высшая форма отбора»** (Выделено мной — С. Р.)⁹.

Наука, видимо, так и развивается: **сначала сталкивается с проблемой**, а потом формирует в себе **мышление, способное ее разрешить** (Выделено мной — С. Р.). Во всяком случае, об этом говорит А. Эйнштейн в своем известном афоризме: “Проблемы никогда нельзя разрешить с тем же образом мыслей, который их породил”. Если согласиться с М. К. Мамардашвили в том, что наука есть нечто иное, как “постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем”¹⁰, то возникает вполне естественный вопрос: **не расширилась ли методологическая “рамка” психологии в ходе ее развития настолько, что в фокусе науки оказалась теперь не только психика,**

⁷ Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией // Психология обучения. 2010. № 12. С. 5-28; Ключко В. Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8. С. 9–21.

⁸ Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 347.

⁹ Там же.

¹⁰ Мамардашвили М. К. как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 125.

но и сам человек, принадлежностью, неотрывной частью которого она является? Ведь *отношение (как психологическая категория) релевантно целостному человеку, а не его части — даже такой значимой, как психика* (Выделено мной — С. Р.).

Если наука в своем развитии действительно представляет процесс последовательной смены основных “формаций научного мышления”, его “стилей и структур”¹¹, то этот процесс вывел-таки (или выводит) к такой форме мышления, которая позволяет ввести отношение в поле зрения науки в качестве приоритетной научной проблемы.

Без выхода в парадигмальную динамику невозможно разглядеть процесс развития категории “отношение” в психологии, то место, которое она занимала в категориальном аппарате психологической науки на разных стадиях ее становления. До сих пор сложно даже определить ту роль, для выполнения которой эта категория призвана самим фактом включения в категориальный аппарат науки.

Парадоксальным образом категория, долгие годы остававшаяся в тени или вовсе выпадавшая из поля зрения психологии, продолжала оставаться включенной во все основные понятия науки, такие как личность, деятельность, психика, сознание. Деятельность до сих пор рассматривается как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру. Сознание привычно толкуется как единство знания о мире и отношения к нему. Сохраняется тенденция определять личность как “ансамбль отношений”, идущая еще от В. Н. Мясищева, впрочем, как и традиция определять личность как сознающего человека (индивида, субъекта), т. е. снова через отношение, являющееся атрибутивным признаком сознания. < ... >

Отношение как таковое, “отношение вообще” не существует: в нем всегда присутствует элемент взаимности, поскольку всегда предполагается существование двух явлений, между которыми существует отношение.

В математике устанавливается “отношение А к В”, которые позиционно достаточно равноправны. Физика долго считалась с

¹¹ Ярошевский М. Г. К истории форм психологического познания // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 137–145.

этим “равноправием”, пока не столкнулась с явлением, перевернувшим всю науку.

Оказалось, что результат физического исследования зависит *от позиции* наблюдателя, и эта относительность неискоренима. Это был мощнейший удар по всей системе сложившегося научного мышления (Выделено мной — С. Р.), который сблизил два традиционных поля философии науки: метафизические проблемы (истина и реальность) стали обретать эпистемологический (метод и рациональность) статус. Знание должно соответствовать истине, иначе наука не будет объективной, **но на пути теорий истины, основанных на представлении о соответствии, встал познающий субъект, со своим отношением к миру, своей пристрастностью, своей позицией** (Выделено мной — С. Р.). < ... >

В. В. Налимов отмечает “удивительный парадокс: мир живого представляется нам существенно более сложным, чем физический мир, и в то же время... описывается исходя из гораздо более простых соображений, чем это имеет место в физике и космогонии. *Нельзя серьезно относиться к научному мировоззрению до тех пор, пока не будет преодолен этот парадокс*”¹². Отчасти психология сама виновата в своих стремлениях к упрощенному мышлению, но, с другой стороны, весь путь ее становления — это выход к все более и более сложному мышлению. Об этом догадывался А. Эйнштейн, утверждая, **что психология “гораздо сложнее физики”** (Выделено мной — С. Р.).

Дело, видимо, в том, что физик и психолог познают разную реальность, каждая из которых отличается уровнем своей системной организации. Соответственно, им требуется и мышление разного уровня системности. **Когда в первые десятилетия прошлого века физики, переходя к изучению микромира, пришли к осознанию того, что объект и субъект познания взаимосвязаны, да еще таким образом, что сами объекты теперь необходимо было понять как составные части ситуации наблюдения, то это перевернуло всю методологию научного знания в целом** (Выделено мной — С. Р.).

А что же психология?

¹²Налимов В. В. Самоорганизация как творческий процесс. [Электронный ресурс]: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_960.htm

Для некоторых выдающихся представителей психологической науки открытие неклассической физикой взаимосвязи между субъектом и объектом познания никаким открытием, на самом деле, не было. **Они уже тогда использовали элементы мышления, которое сегодня называют постнеклассическим** (Выделено мной — С. Р.). Если для физиков предметом исследования выступала четырехмерная реальность (три координаты плюс время), **то психологи постепенно приходили к убеждению в том, что непосредственного, прямого выхода к этой реальности у человека нет.** (выделено мной — С. Р.) Поэтому физикам не стоит удивляться (или сокрушаться) по поводу того, что результат физического исследования оказывается зависимым от позиции наблюдателя.

“Голый физический стимул света не есть полная реальность” — писал Л. С. Выготский¹³. **Среда человека не является для него физической средой, “чистой объективностью”.** “Голого, несоциального, непосредственного общения с миром у человека нет (Выделено мной — С. Р.)”¹⁴.

В результатах научного поиска не отражается напряжение поисковой потребности, жажда признания, соперничество, материальные блага, которые сулит удача. В них не должны отражаться триумф и трагедия человека ищущего истину, а потому изгоняющего самого себя из пространства, им же самим одушевленного.

Поэтому нельзя называть реальностью то, что не имеет никакого отношения к человеку, не отвечает его потребностям, возможностям и текущему состоянию (Выделено мной — С. Р.). Мир, в который не спроецирован дух, мир неодушевленный, живущий в себе и для себя, тождественный самому себе, такой мир может быть реален только для себя, но фантазия, рисующая такой мир, не реалистична. **Человек не создает реальность. Он создает многомерный мир, обеспечивающий ему чувство реальности. Реальность не есть то, что отражается органами чувств — здесь только предпосылки, отталкиваясь от которых человек пытается выйти к истине. Для**

¹³ *Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 5. М., 1983. С.73.*

¹⁴ *Там же.*

человека реально то, к чему он имеет отношение, то, что имеет для него значение, смысл, ценность (Выделено мной — С. Р.)»¹⁵.

Системная антропологическая психология: методологическое введение¹⁶

«Что же представляет собой системная антропологическая психология (САП)? — спрашивают В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский. Самая общая характеристика этого феномена задается его предметом. Предметом САП является психика, психическое вообще, рассматриваемое в контексте целостного (т. е. системно представленного) человека. Человек при этом понимается в качестве открытой саморазвивающейся, самоорганизующейся системы, а психическое как то, что позволяет этой системе оставаться открытой и удерживать свою целостность за счет процесса саморазвития и до тех пор, пока саморазвитие оказывается возможным (Выделено мной — С. Р.).»

Системная антропологическая психология развивает идеи культурно-исторической психологии и потому может быть понята как один из возможных вариантов развития идей Л. С. Выготского в рамках постнеклассической психологии (Выделено мной — С. Р.), предвестником которой он и был. Поскольку сам Л. С. Выготский определял то, что делает он и его школа, словами “наше новое учение”, то САП можно определить как новое учение, не теряющее свои культурно-исторические корни. Как научное направление оно представлено, при полном понимании формальности используемого признака, 6 докторскими и более чем 50 кандидатскими диссертациями. Как научная теория САП вобрала в себя все, что было сделано в рамках теории психологических систем (ТПС), является следующим шагом ее развития, поскольку благодаря труду тех, кто ТПС разрабатывал, предметное поле расширилось настолько, что перестало вмещать в себя

¹⁵ Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). 2011. С. 16–21.

¹⁶ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. С. 40–41.

многообразии теоретических построений и получаемых экспериментальных фактов.

По уровню реализуемого в ней мышления, САП может быть отнесена к теориям, придерживающихся идеалов постнеклассической рациональности. Как уже упоминалось, предметом постнеклассической науки являются сложные “человекообразные” (термин В.С. Степина) открытые саморазвивающиеся системы.

Выход к системному пониманию человека не убивает “самое человеческое” в нем, как иногда возражают оппоненты. Системную антропологическую психологию можно рассматривать как вариант позитивной психологии. Это учение о человеке (потому и антропология), понятом в динамике жизнеосуществления, в его открытости — как в мир, так и к самому себе. Открытость к себе — главный признак человека как системы, отличающий его от всех других открытых систем, живущих за счет обмена со средой — информационного, вещного, энергетического.

Человек встречается с собой не просто в актах самосознания или рефлексии. Он каждый момент встречается с самим собой в жизненных пространствах своего бытия. Оттуда приходят к нему вещи, помеченные им самим: через то, что приходит он узнает о себе, о том, что он действительно хочет от этого мира (потребности) сейчас, и что он может сделать в этом мире (возможности). **Поэтому САП последовательно реализует идею многомерного мира человека, неотрывного от самого человека, и как такой его органической части, которая в максимальной степени представляет самое человеческое в нем (Выделено мной — С. Р.)»¹⁷.**

Субъект деятельности — человек¹⁸

«... Мы сегодня, — пишут Э. В. Галажинский и В. Е. Клочко, — поднимаемся к тому, чтобы признать, наконец, человека в качестве предмета психологии (Выделено мной — С. Р.), и готовы согласиться с правотой С. Л. Франка в том, что “человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это

¹⁷ Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. С. 40–41.

¹⁸ Галажинский Э. В., Клочко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 16–25.

внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта направленность человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой "эмпирической психологии" (Выделено мной — С. Р.)¹⁹.

Можно полагать, что психика и сознание в функциональном плане завязаны на обслуживание системы взаимоотношений человека (с миром и самим собой), **но тогда им нельзя приписывать роль самостоятельных (суверенных) субъектов отношения** (Выделено мной — С. Р.).

Последнее утверждение кажется настолько самоочевидным, что дальнейшее обсуждение его кажется излишним. Тем не менее, как мы попытаемся показать ниже, **именно здесь располагается одна из точек бифуркации, т. е. точек, в которых наука оказывается перед необходимостью определения дальнейшего пути своего развития** (Выделено мной — С. Р.).

Мы не можем уклониться от того факта, что в психологии целые концепции построены на аксиоматике, в которой **психика и сознание рассматриваются в качестве самодействующих органов или организмов** (Выделено мной — С. Р.). “Деятельность психики”, “психическая деятельность”, “психическая активность”, “деятельность сознания”, “работа сознания”, “активность сознания”— это ведь не метафоры, не научные идеализации, а вполне реальные психологические конструкты, которыми переполнена наука. У всех у них один общий признак — эти деятельностные характеристики или описания применяются в данном случае к тому, что не является субъектом самостоятельной деятельности, как не является и субъектом отношения.

От того, Кто именно (или Что именно) будет выбран (или выбрано) в качестве субъекта отношения, зависит эффективность постановки и последующего решения одной из центральных и наиболее трудных проблем нашей науки — проблемы места и роли психического в организации высшей формы жизни,

¹⁹ Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию // Реальность и человек. М.: Республика, 1997. С. 441.

представителем которой является человек (Выделено мной — С. Р.).
<...>

Как мы отметили выше, отношение каким-то таинственным образом включено во взаимодействие, делая этот акт избирательным и направленным. Здесь, пожалуй, и располагается одна из самых напряженных (в методологическом плане) проблем, решение которой зависит от того, насколько удастся психологам ассимилировать мышление, адекватное по своей сложности уровню объективной сложности возникающей проблемы.

Мы привыкли мыслить таким образом, что легко различаем направленные акты в виде действия (воздействия, противодействия), и столь же легко повторяем вслед за физиками, что «любое действие есть взаимодействие», но представить «направленное взаимодействие» пока еще очень сложно.

Если мы не вскроем тайну этой включенности отношения в саму сердцевину акта отражения, то сохранит свою тайну не что-нибудь, а сам предмет нашей науки (Выделено мной — С. Р.): «*вся психика построена по типу инструмента, который выбирает*»²⁰. Л. С. Выготский лучше своих современников понимал, что психика существует не для того, чтобы обслуживать *случайный отбор* из среды того, что имеет смысл, но она вовсе не предназначена для «*перебора*» всего, что в принципе доступно человеку: **«глаз, который видел бы все, именно поэтому не видел бы ничего; сознание, которое сознавало бы все, ничего бы не сознавало, и самосознание, если бы сознавало все, не сознавало бы ничего** (Выделено мной — С. Р.)»²¹.
<...>

В. П. Зинченко предлагает выход: онтология как философское учение о бытии должна быть распространена и на психологию сознания. **«Мы редко сомневаемся в том, что объективное существует, но почему-то обязательно хотим сделать субъективное дериватом объективного, вместо того, чтобы расширить само понятие**

²⁰ *Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 347.*

²¹ *Там же.*

объективного, включив в его пределы субъективное и при этом сохранив его самим собой (Выделено мной — С. Р.)”²².

Л. С. Выготский видел этот процесс “включения” с другой стороны: **расширить понятие субъективного как того, что проникает в объективное и тем самым “искажает” действительность в пользу человека (“положительная роль (психики) — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т. е. субъективно исказить действительность в пользу организма (Выделено мной — С. Р.)”²³.** Отсюда вытекает присущее Л. С. Выготскому понимание сущности психики. “Сущность психики с положительной стороны... интенциональное отношение к предмету”, — писал Л. С. Выготский²⁴.

Однако ясно, что субъектом интенционального отношения является не сама психика, а целостный человек (Выделено мной — С. Р.), в процессах взаимодействия с миром и самим собой реализующий свои отношения к миру и самому себе.

Взаимодействие всегда происходит в пространстве и времени, а пространственно-временные отношения входят в содержание процессов взаимодействия. Кажется, так просто: кто живет, тот и относится, кто отражает мир и созидает его, тот и выбирает в мире то, что к нему имеет отношение.

Однако до сих пор этот целостный человек в психологической науке не представлен, но зато всеми признаками жизни (жизненными отношениями, в том числе) наделяются его многочисленные аналоги — субъект, личность, индивид, индивидуальность (Выделено мной — С. Р.). Подчас уже трудно сказать по какому “ведомству” каждое из них может быть “прописано” — по миру “одушевленных предметов”, именуемых “кто”, или по миру “неодушевленных предметов”, именуемых “что”. Однако все более ясным становится, что **никакими ухищрениями, методологическими в том числе, невозможно сложить в нечто целостное то, что открывают эти различные ‘аспекты’, “ипостаси”, “точки зрения на**

²² *Зинченко В. П.* Ценности в структуре сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы второй Всероссийской научной конференции. 29 сентября — 1 ноября 2011. Самара: ПГСГА, 2011. С. 50.

²³ *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 347.

²⁴ *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 5. М., 1983. С. 15.

человека”, “психологические срезы”, сделанные с человека, аналитически выделенные его “системные качества” или “органы” (Выделено мной — С. Р.).

Здесь требуется специально оговорить, что, с нашей точки зрения, конкретная наука (психология) не должна претендовать на решение вопросов, заведомо превышающих пределы ее компетенции.

Психологии нужен “целостный человек” для того, чтобы решать свои специфические задачи, потому что, как указывал С.Л. Выготский, “без человека как целого нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что человек управляет мозгом, а не мозг человеком (социо!), что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятиях процесса, но драмы (Выделено мной — С. Р.)”²⁵.

Речь, следовательно, идет не о том, что психология намеревается стать наукой, претендующей на получение единственно верного и наиболее целостного знания о человеке, изрядно потеснив при этом философию и другие гуманитарно-ориентированные науки. **Можно полагать, что “целостный человек” сегодня нужен психологии, потому что наука пытается ассимилировать новую парадигму, новый способ мышления, утверждающий непродуктивность дальнейших попыток постижения роли, миссии, функций психического в процессе изучения ее самой (Выделено мной — С. Р.).**

Более того, вполне вероятно, что эта изначальная оторванность отношения от своего истинного субъекта стала стимулом возвращения целостного человека в психологию, активизировав поиски по разрешению многочисленных противоречий, возникших в результате этого разрыва. Образно говоря, оторвавшись от своего подлинного субъекта, понятие отношения «провисло» и стало искать себе “хозяина”, вступая в связь с любым другим понятием, которое хотя бы намекало на возможность выступить в такой функции. Поэтому отношение и оказалось включенным в содержание абсолютно всех основных понятий психологии, так и оставаясь неопределенным в своем содержательном составе. Оно сегодня проглядывает через смыслы и ценности,

²⁵ *Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 5. М., 1983. С. 62*

интересы, мотивы, цели, установки и т. д., подстраиваясь под конкретный концептуальный каркас различных (по уровню системности использованного в них мышления) теорий.

Никакие приемы интеграции не смогут восстановить то, что было утрачено под неумолимым скальпелем аналитики. А утраченным как раз и является то, что делает человека целостным, обеспечивает устойчивость его системной организации под возмущающим влиянием внутренних и внешних коллизий и позволяет сохранять себя, удерживать свою самость в условиях постоянно идущего процесса саморазвития (Выделено мной — С. Р.). «Залог величия человека — самостояние его...», — это красиво и верно, но не будем забывать, что это «самостояние» происходит в точке постоянного несовпадения человека с собой. Именно человека, а не парциальных его представителей, с которыми до сих пор имеет дело психология.

Сегодня наука вошла в зону перекрытия парадигмальных установок, причем в этой зоне неразличимо сосуществуют элементы простого (одномерно-бинарного) мышления, свойственные классицизму, сложного (бинарно-тернарного) мышления неклассического уровня и сверхсложного (многомерного) мышления, адекватного реалиям наступающей постнеклассической эпохи (Выделено мной — С. Р.). Контуры проблемного поля современной психологии определяются особенностями ее движения в зоне перехода от **бинарного мышления к многомерному (Выделено мной — С. Р.)»²⁶.**

Целостный человек²⁷

«Так куда же все-таки выходит наука? — спрашивают В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский. — Наш ответ: к более сложной системе, релевантной целостному человеку. Почему именно к нему, и что собственно означает понятие «целостный человек» (Выделено

²⁶ Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 16–25.

²⁷ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Глава 2. Системная антропологическая психология. Методологическое введение. Раздел 2.2. Целостный человек как предмет психологического исследования. Философия и психология многомерности. С. 59–61.

мной — С. Р.)? Зачем он нужен психологии, когда и без этого у нас столько его аналогов, существующих, точнее сосуществующих, например, в виде индивида, субъекта, личности, индивидуальности? **Действительно, аналогов человека в психологии много, но человека как такового нет** (Выделено мной — С. Р.).

И пока в психологии нет целостного человека, его место занимает все, что можно антропоморфизировать, т. е. все, чему можно приписать функции целостного человека. Периодически эти функции передаются индивиду, субъекту, личности, порождая эту странную «психологию на троих» (В. П. Зинченко). Безусловно, в человеке можно найти много граней и выделить в нем различные аспекты, меняя “призмы видения”. Возникают различные подходы и концепции, в рамках которых исследователи пытаются интегрировать знание, полученное с помощью этих “призм”, в некоторое целостное представление о человеке.

Столь же периодически происходит перераспределение функций между личностью, индивидом и субъектом, что особенно заметно в периоды, когда лидирующие функции в науке берет на себя тот или иной аспект, порождая очередную авторскую “психологию личности”, “психологию индивида”, “психологию индивидуальности”, “психологию субъекта”.

Не хочется спорить о том, какая из концепций наиболее точно отвечает целостному пониманию человека. Уместнее поставить вопрос о принципиальной возможности получить целостное представление о человеке путем интеграции имеющегося аспектного знания о нем. Не хочется впадать в трюизм напоминанием притчи о слоне, которого (вполне аспектно) изучали слепые мудрецы. Даже “психология на четырех” (с условием добавления сюда еще и “призмы” под названием “индивидуальность”) не изменит ситуацию.

Иными словами, только сегодня в полной мере наступает осознание того, что мы пытаемся угадать, пользуясь образами Л. С. Выготского, миссию “телефонного аппарата”, изучая сам аппарат, т. е. вовсе не имея в виду миссию “телефонистки” (человека). “Нельзя аналогизировать все поведение с деятельностью аппарата. Но аппарат +

человек...”²⁸. Хорошо чувствовавший тенденции развития психологического познания А. Н. Леонтьев, представивший в своей книге развернутую теорию личностных смыслов, заканчивает ее **указанием на необходимость вернуть «целостного человека» в психологию** (Выделено мной — С. Р.)²⁹.

Видимо неслучайно А. Н. Леонтьев писал о смыслах как “высшей математике психологии” — **смыслы релевантны «целостному человеку», системе более высокой, нежели личность**, которая сама является пусть и «особым», но только качеством человека. А с “целостным человеком” научная психология еще напрямую не сталкивалась, **и потому не знает, как он выглядит** (Выделено мной — С. Р.).

Пока же приходится констатировать, что незаметно подходит к концу, но вовсе не ушло в прошлое время “геометрической психологии”, когда еще можно говорить о каких-то неведомых «сферах» человека, в которых обитают **сознание, бессознательное, психика как таковая** (Выделено мной — С. Р.). Эти понятия приходится использовать, поскольку на них возлагается важная миссия: **они создают иллюзию “не-подкожности” психического** (Выделено мной — С. Р.). В противном случае психика уже ничем бы не отличалась от наивно понимаемой души, живущей в теле. С другой стороны, **это позволяет говорить о возможности использования в психологии “объективных методов”** (Выделено мной — С. Р.), разработанных в других (“развитых”) науках, предметы которых ограничены конкретными пространственно-временными континуумами: все-таки и у нас в науке есть свои психологические пространства, хотя бы и в виде непонятных в своей локализации “сфер”.

Неизвестно, где и как локализованным “сферам” еще и предписывают способность развиваться. В связи с этим перед педагогами ставятся фантастические по своей неопределенности задачи по формированию “эмоционально-волевой сферы личности” (“интеллектуальной сферы”, “ценностно-смысловой сферы”, “сферы сознания). О странностях «психологической геометрии» в свое время

²⁸ *Выготский Л. С.* Конкретная психология человека // Вестник Москов. Ун-та. Серия 14. Психология. 1986. № 1. С. 63.

²⁹ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 302.

писал Л. С. Выготский: “Именно потому, что эти понятия адетерминистичны, беспричинны и беспространственны, именно потому, что они построены по типу геометрических абстракций, Павлов отвергает их пригодность для науки: они несоединимы с материальной конструкцией мозга. Именно потому что они геометричны, мы вслед за Павловым говорим, что они непригодны для реальной науки”³⁰.

Антропологизация на самом деле есть переход от дискретного понимания психики и сознания в совершенно другую методологию — к представлению о непрерывной природе психического (Выделено мной — С. Р.). Дискретное понимание исходит из феномена целостности психических явлений: их неразложимость “на кусочки” отмечается обычно как одна из их фундаментальных характеристик. Будучи многообразными, психические явления выступают как явления одной природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система. Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения».

Если в физике теория поля достигла и даже переросла уровень теории дискретности, то в психологии до сих пор психика и сознание чаще всего понимаются как замкнутые дискретные образования, имеющие уровневое строение, собственную структуру и даже собственную логику. С помощью трансспективного анализа открывалось, что вместе с понятиями психологического поля (К. Левин), смыслового поля (Л. С. Выготский), транссубъективного пространства (Д. Н. Узнадзе) в психологии уже сравнительно давно вызревает мысль о пространственной непрерывности психического. *Психическое есть то, что обеспечивает дальное действие человека как открытой саморазвивающейся системы, одновременно определяя параметры его (человека) многомерности* (Выделено мной — С. Р.).

³⁰ *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 401.

Итак, тенденция антропологизации может быть прослежена в истории психологии, она давно “пробивается” в ней, но только в науке, обретшей постнеклассический облик, она перестанет быть тенденцией, т. е. обретет парадигмальные основания (Выделено мной — С. Р.)»³¹.

Человек — психика — дух³²

«...В психологии до сих пор практически не ставится вопрос о том, что же исчезает при “разделении” человека на его составляющие? **Что мы теряем навсегда при таком членении** (Выделено мной — С. Р.), и что можем получить в результате выхода профессионального психологического мышления к объективной сложности человека **как целостного (системного) саморазвивающегося и самоорганизующегося многомерного явления?** Ответим на эти вопросы пока кратко, но образно: скальпель аналитики убивает Дух (Выделено мной — С. Р.).

Именно дух является полномочным представителем целостного человека в окружающем его мире (Выделено мной — С. Р.). Он превращает безличную, индифферентную, в себе и для себя существующую “окружающую среду” в *многомерное одушевленное пространство жизни*, в котором человек может действовать, понимая смысл и ценность своих действий, т. е. действовать осознанно и потому ответственно. **Дух — это транслятор человеческих ожиданий, надежд, потребностей и возможностей, т. е. всей совокупности того, что лежит в основе системы отношения человека к миру, в “равнодушную” по отношению к нему окружающую среду** (Выделено мной С. Р.). Эта трансляция превращает “вещь в себе” в “вещь для нас”, обеспечивая человеку чувство реальности бытия. Она делает *соотносимыми* то, что в системе “Я” — “не-Я” выступает в качестве “противоположностей”.

Так что же такое дух, каков его “психологический портрет”?
Дух — это описание психического, понятого в его непрерывности и

³¹ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2011. Разд. «Целостный человек как предмет психологического исследования. Философия и психология многомерности». С. 52–69.

³² Галажинский Э. В., Ключко В. Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). 2011. С. 14–31.

континуальности, в дальнодействии, т. е. в его способности порождать реальность человеческого бытия путем транспонирования отношений человека в окружающее пространство, заставляющего резонировать в ответ то в нем, что способно ответить (Выделено мной — С. Р.).

Эта мысль не является результатом работы теоретизирующего ума. О смыслах и ценностях как сверхчувственных качествах предметов нам пришлось заявить, когда аппаратная запись эмоций, синхронизированная с содержанием разворачивающейся деятельности испытуемого, вскрыла **неожиданный и труднообъяснимый в то время феномен, а именно непрерывно идущий отклик объективных условий деятельности на меняющиеся субъективные человеческие ожидания и запросы (Выделено мной — С. Р.)³³**. Представления о сверхчувственных качествах были конкретизированы при разработке принципа системной детерминации, в соответствии с которым, внутреннее и внешнее, субъективное и объективное, вступая во взаимодействие, производят нечто третье — **сверхчувственные, общесистемные качества. Будучи психологическими новообразованиями, не сводимыми ни к первому, ни ко второму, они становятся своеобразным параметром порядка, указывающими направления развития системы за пределы ее актуального состояния, организуя тем самым переход возможности в действительность как основание устойчивого существования саморазвивающихся систем в реальном времени и пространстве (Выделено мной — С. Р.)³⁴**.

Развивая системную антропологическую психологию, мы понимаем человека как открытую в мир и к себе самому саморазвивающуюся систему (Выделено мной — С. Р.), но это, как нам кажется, не унижает человека, не преумаляет его величия, а наоборот, возвращает и легитимизирует изгнанный из психологии в XX веке дух.

³³ *Клочко В. Е.* Динамика типологических форм системного подхода и перспективы развития психологической науки. Депонирована в ИНИОНАН СССР. 1987. № 29171

³⁴ *Галажинский Э. В.* Системная детерминация самоорганизации личности. Автореф. ... докт. психол. наук. Барнаул. 2002.; *Клочко В. Е., Галажинский Э. В.* Самореализация личности: системный взгляд. Томск, 1999.

Другими словами, когда мы пытаемся понять роль и миссию психического в системе целостного человека, дух сам восстанавливается в своих правах. Здесь нет редукции человека к простым системам, которые изучают другие науки. Мы пытаемся понять человека как сверхсложный феномен, требующий для своего познания адекватного по сложности мышления, можно сказать мышления предельно сложного на “текущий момент” актуального бытия психологии как науки. Необходимо учесть, что “сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития”³⁵.

Таким образом, ситуация — это не чисто объективный фрагмент “вещи в себе”. Дух уже осел на этом фрагменте “вещи в себе” и она превратилась в “вещь для человека”. Объективная (в себе и для себя живущая”) реальность в этом фрагменте становится реальностью для живущего человека, его витальной онтологией (Выделено мной — С. Р.). Постепенно становится понятным, что имел в виду Л. С. Выготский в своем определении функции и миссии психики. “Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать”³⁶. Можно полагать, что по мере вхождения в многомерную логику наша наука раскроет всю глубину этой мысли»³⁷ (Выделено мной — С. Р.).

Мир человека в целостном человеке³⁸

³⁵ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml>.

³⁶ *Выготский Л. С.* Собр. соч.: в 6 томах. Т. 1. С. 347.

³⁷ *Галажинский Э. В., Клочко В. Е.* Категория «Отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. № 4 (68). 2011. С. 14–31.

³⁸ *Клочко В. Е., Галажинский Э. В.* Психология инновационного поведения. Томск, 2009. Раздел «Системная антропологическая психология». Методологическое введение. Целостный человек как предмет психологического исследования. С. 70–77.

«Первым, кто указал на необходимость ввести внешнее (среду) в определение организма, — пишут В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский, — был **Иван Михайлович Сеченов**. ”Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен; поэтому **в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него**, так как без последней существование организма невозможно...”³⁹.

Заметим, в определение организма входит не вся среда, **а только соотносимая с организмом** (Выделено мной — С. Р.). Чем сложнее организм, тем сложнее и его среда. Человек представляет наиболее сложную и высшую из известных нам форм жизни. **Его среда — это и есть многомерный мир конкретного человека** (Выделено мной — С. Р.). Если мы включаем мир человека в определение человек, то уже упрощением кажется конструкция “человек и его мир”, поскольку союз “и” рождает ложную иллюзию, что многомерный мир человека не входит в исходное определение человека.

Если их развести в начале, то уже невозможно будет выйти к их единству в конце теоретических построений (Выделено мной — С. Р.). Многомерный мир конкретного человека и есть подлинное пространство его жизни. Оно, это пространство, обладает подвижной конфигурацией, оно “дышит” в унисон с его растущими потребностями и возможностями, обладает способностью расширяться в пределы “объективной реальности”, превращая “вещь в себе” в “вещь для нас”, обеспечивая тем самым человеку чувство реальности бытия.

Для нас “целостный человек” означает такое понятие человека, которое исходно включает в себя его многомерный мир (Выделено мной — С. Р.). Только благодаря этому мы вообще можем говорить о многомерном человеке. Это представление и легло в основание научного направления: “системная антропологическая психология”. Наверное, понятно, почему это наука “системная и почему она “антропологическая”, не всем понятно, почему это психология, а не раздел антропологии — культурной, философской, педагогической и т. Д.

Мы занимаемся психологией целостного человека, нас интересует психическое в той роли, которая позволяет человеку быть

³⁹ Сеченов И. М. Две заключительные лекции о значении так называемых растительных актов в животной жизни // Медицинский вестник. 1861. № 26.

открытой (в мир и к себе самому) системой, в той функции, которую психическое выполняет, обеспечивая устойчивое существование человека как саморазвивающейся системы, а также те психологические системные новообразования, которые система порождает сама, в чем и проявляется ее способность к самоорганизации, без которой невозможны ни саморазвитие, ни избирательность поведения человека и его сознания. **Многомерный мир человека — это не его “периферия”, а место дислокации Духа — психика не подкожна** (Выделено мной — С. Р.).

Целостность характеризует явление в его эволюционном следовании. Классика начинала со статики, с того, что есть, что уже установилось и которое поэтому можно изучать. Неклассическая наука вышла к первичной динамике — развитию. Ее уже меньше привлекает аналитика, она уже утверждает, что “целое больше суммы частей”; она стремится понять стремление человека стать целостным, при полном признании его (человека) принципиальной незавершенности. Она пока не может совместить незавершенность человека с механизмами его саморазвития и зачастую не различает “развитие” и “становление”, пытаясь в становлении разглядеть начальную фазу развития (“становление и развитие”).

Постнеклассическая наука идет еще дальше. Здесь незавершенность, тотальная неполнота человека выступает в качестве источника его самодвижения, саморазвития. В незавершенность заложена активность дления, “продления”, изменения, течения, потока жизни, устойчивости этого потока и его направленности, происхождение сил, выводящих за пределы себя, еще завершающегося. Пока еще остается потенциал завершения, незавершенность будет оставаться условием устойчивого существования человека.

Целостный человек — это человек, постоянно делающий себя целым из перманентно нецелого, все время нуждающийся в чем-то и ком-то, все время ожидающий чего-то и кого-то, усложняющийся, когда сбываются ожидания и удаётся присвоить предмет ожидания, приняв его в себя, сделав своим. А становясь другим, более сложным, человек уже не замечает, что вместе с этим становлением изменяется его собственное пространство жизни и из этого пространства начинают отзываться, вступать с ним в резонанс такие вещи и явления, которые

раньше, когда он был более «простым», ему не соответствовали. И он снова начинает ощущать себя хотящим и могущим, страстным и пристрастным, чувствительным к красоте и гармонии, интересующимся и любопытным, т. е. переживающим всю полноту своей благотворной незавершенности. **Человек полный, завершённый, совершенный — это человек, ничего уже не хотящий и не могущий, постоянно нуждающийся в проявлении внешних атрибутов, указывающих на собственную состоятельность и почитающий за благо полное слияние своего поведения в мире с устоявшимся пониманием самого мира** (Выделено мной — С. Р.).

Это поведение уже не может быть инновационным, поскольку и само оно уже скоро перейдет в трагедию умирающего человека — не только состоятельного, но и окончательно состоявшегося.

П. А. Флоренский так устанавливает этимологию слова “целое”: “Целое – целый” - значит не повреждённый, неиспорченный, полный, со всеми частями. Слово “целый” сокращено от слова “целить”, “исцелять”. Целостный значит делать вновь целым из нецелого, из заболевшего, повреждённого. Следовательно, в понятии “целый” содержатся нормы бытия. В греческом языке понятием “целое” означает прекрасное, красота; в санскрите одно и то же означает целый, спасительный, прекрасный, приятный, нетронутый, целомудрие. В готском это слово означает здоровый и целый. В немецком — целый и святой. Понятие целостности в русском языке содержит цельность⁴⁰. Цельность соотносима с другим русским словом — “самость”.

Самость характеризует человека с точки зрения его самодостаточности, суверенности, т. е. способности к самоосуществлению, творческому самоконструированию. Самость есть системная характеристика того, как человек в процессах взаимодействия с окружающим миром (прежде всего миром культуры) созидает свое «Я» в одновременном становлении своего многомерного пространства жизни.

Целостность — это также мера гармонии между двумя органическими (неотрывными) частями человека, представленными его “Я” и пространством жизни, в котором “Я”

⁴⁰ Флоренский П. А. Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3 (1). С. 456.

осуществляет себя, свою миссию и предназначение. Драма заключается в том, что “Я” склонно толковать свое же пространство жизни как “не-Я”: оно вообще не имеет смысла без “не-Я”, поскольку всегда хочет определить свои границы. **Сознание есть то, что конституирует эту дихотомию. Сознание и есть способность человека видеть мир отдельно от себя, для того, чтобы не видеть “себя в мире”** (Выделено мной — С. Р.). В противном случае невозможным оказалось бы как познание мира, так и себя самого.

Ни одна из частей не должна превалировать по отношению к самости, чтобы не расколоть ее: Часть, возобладавшая над целым, рождает хаос. Возобладай “Я”, и вот уже человек рассматривает себя в качестве безусловного “творца природы”, ее “хозяина”, кроящего мир по лекалам собственной субъективности. Самое опасное, если он будет делать это инициативно и интенсивно, “инновационно” реализуя свой творческий порыв. Возобладай другая крайность, и человек начнет рассматривать себя как пассивно-страдательное существо, реагирующее на внешние воздействия, реакциями своими пытаюсь приспособиться к “новым объективным условиям”.

Итак, современная психологическая теория является далеко не такой простой, как это иногда кажется непосвященным. Есть в ней “элементарная математика”, доступная всем. Есть и такие сложные понятия, которыми наука обозначает самые труднодостижимые психологические феномены. К числу таких понятий и относится смысл. Не случайно Л. С. Выготский считал задачу объяснения происхождения и возникновения осмысленности “труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи”⁴¹. Как красноречиво заметил А. Н. Леонтьев, проблема смысла «относится не к области “арифметики” психологии, но к области “высшей математики” ее»⁴². Чем же обусловлена такая оценка проблемы?

Возможно тем, что проблема смысла возникает в психологии только по мере превращения самой психологии в науку о человеке (Выделено мной — С. Р.). По факту постановки проблемы смыслов (и ценностей) в психологии, а так же через оценку качества предлагаемых

⁴¹ *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 1. С. 267.

⁴² *Леонтьев А. Н.* Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 206.

решений можно делать суждения о том, как протекает процесс антропологизации психологического познания.

Следовательно, если психология смогла обнаружить проблему смысла, и даже в первом приближении поставить ее, то это может служить верным признаком трансформации предмета науки в определенном направлении. Кратко эту диалектику можно представить как **поднятие предмета науки на новый уровень — от психики (человека) к человеку (с психикой)** (Выделено мной — С. Р.).

Видимо, не случайно А. Н. Леонтьев писал о смыслах как “высшей математике психологии” — ею нельзя поделиться с “первым встречным, т. е. с человеком, не имеющим соответствующего опыта профессионально-психологического мышления. Это не означает, что физическое мышление», например, уступает “психологическому мышлению»” по уровню сложности. **Просто физик и психолог познают разную реальность, каждая из которых отличается уровнем своей системной организации. Соответственно, им требуется и мышление разного уровня системности.** Вовсе не случайно заметил А. Эйнштейн, что психология «гораздо сложнее физики» (Выделено мной — С. Р.).

Когда в первые десятилетия прошлого века физики, переходя к изучению микромира, пришли к осознанию того, что объект и субъект познания взаимосвязаны, да еще таким образом, что сами объекты теперь необходимо было понять как составные части ситуации наблюдения, то это перевернуло всю методологию научного знания в целом. По мере становления неклассической физики формировалась неклассическая эпистемология (Выделено мной — С. Р.). <...>

Чем же опосредовано это общение человека с миром? Тем, что между миром “чистой объективности”, существующим вне человека и независимо от него, этой настоящей “вещью в себе”, и своим субъективным миром, который еще называют “внутренним миром человека”, выстраивается “третья реальность”. Ее невозможно дислоцировать на одном из полюсов: она не сводится ни к объективной, ни к субъективной реальности. Она воспринимается человеком как нечто внешнее для него, на деле

оставаясь его собственным продолжением, его внутренним личным пространством жизни (Выделено мной — С. Р.).

Эта реальность чувственна и сверхчувственна одновременно, т. е. включает в себя такие системные образования, которые не воздействуют на органы чувств и потому продолжают быть невидимыми. Наконец, она не сводится ни к Духу, ни к Материи, представляя собой подлинное (системное) единство этих двух “противоположностей” (Выделено мной — С. Р.). Субъективное (Дух) является своеобразным маркером, который должен предварительно разметить объективную реальность сообразно человеку, своеобразно исказить ее, пометив в ней то, что имеет для человека значение, смысл и ценность. **Смыслы возникают в местах встречи Материи и Духа, указывая на то, что именно в этих местах существует соответствие между тем, что нужно человеку и тем, что в мире откликается на его запрос** (Выделено мной — С. Р.).

Человек есть система взаимодействий, порождающая смыслы и ценности, являющие основанием для направленных поведенческих актов. Так в чем же суть “драмы”, на которую намекал в своих работах Л. С. Выготский, той драмы, на переживание которой обречен человек в силу своего особого (системного) устройства? Именно с ней связаны все трудности, которые возникают при попытке объяснить природу избирательности и осмысленности человеческого сознания, поведения и деятельности.

Вот как выглядит сущность этой драмы с позиции системной антропологической психологии.

Человек всегда видит некоторый отрезок мира, некоторую часть его, сектор, сегмент или то, что он называет ситуацией. **И он никогда не видит в этом мире самого себя**, хотя реально присутствует в нем, поскольку и **сам этот мир человека является его (человека) продолжением, принадлежащем ему пространством жизни** (Выделено мной — С. Р.). Человек не знает собственных “размеров” и, взаимодействуя с тем, что воспринимается им в качестве противостоящей ему **объективной реальности**, человек вынужденно взаимодействует и с самим собой, незримо присутствующим в этой реальности. **Он представлен в ней не в физических параметрах ее предметного содержания, а в особых измерениях предметов,**

входящих в ситуацию и тем самым выделяющих ее среди всей бесконечной, в себе и для себя существующей “чистой объективности” (Выделено мной — С. Р.).

Человек не может — не имеет соответствующих средств, и даже права — видеть в мире самого себя в качестве составной части этого мира. Только через мышление он может прийти к пониманию соразмерности того, что кажется ему объективной реальностью, самому себе. А в реальной жизни он руководствуется смыслами, которые и призваны для того, чтобы в нашем сознании появлялось только то, что имеет отношение к человеку именно здесь и теперь.

Этот отбор является для нас настолько естественным, что мы уже не замечаем всей сложности механизма отбора, используя только его результаты. Однако будь по-другому, не было бы у человека ни сознания, ни самосознания. У животных все устроено значительно проще: они живут в мире, не выделяя себя из мира. Но ведь они и не создают мир, а если и изменяют его, то только в силу своего пребывания в нем.

Эволюционное усложнение системной организации человека проявилось в способности порождать сложную «совмещенную», чувственно-сверхчувственную реальность, единственное назначение которой заключается в том, что она обеспечивает человеку возможность достаточно четко отделять Я от не-Я, видеть мир отдельно от себя и переживать эффект присутствия себя в мире, что и является основным признаком наличия сознания (Выделено мной — С. Р.).

Только в этом случае он сможет почувствовать себя субъектом, который этот мир познает и создает, осмысливает и переживает. Этот разрыв (не видеть себя в мире, чтобы видеть мир отдельно от себя) обуславливает драматичность человеческого бытия. Ведь перестраивать мир можно, только перестраивая себя, и познавая его нельзя уйти от процессов самопознания. “Голгофа человеческого духа”, — так определил Гегель работу разума, вынужденного всегда познавать мир через призму собственной субъективности, но при этом пробиваться к истине путем изгнания самого себя из продуктов познания — ради выявления того, как оно “есть на самом деле.

Поэтому истина не есть замкнутый на себя непосредственный итог познания, но есть процесс, сопровождаемый постоянным диалогом человека с самим собой и значимыми другими (Выделено мной — С. Р.).

Этот диалог незримо присутствует при встрече человека (как субъекта деятельности) с предметом, который самим же человеком “очеловечен”, “вочеловечен”, т. е. в котором он уже представлен особыми (системными) качествами — ценностями и смыслами. Получается, что все явившееся к нам, все, что мы видим, слышим, и осмысливаем, потому и является к нам, что имеет для нас смысл и ценность. Разница только в том, что профессиональный психолог, обладающий мышлением соответствующего системного уровня, об этом знает и поэтому он понимает, что все в каждый момент времени «являющееся» к человеку, ему же и соответствует. Иными словами, психолог понимает, что через призму анализа того, что явилось к человеку, можно узнать каков он на самом деле, каковы у него актуальные потребности и потенциальные возможности.

Итак, сознание есть способность человека видеть мир отдельно от себя, но при этом только ту часть мира, которая соответствует ему как человеку, устойчивое бытие которого зависит от его способности обнаруживать в мире то, что отвечает его потребностям и возможностям (Выделено мной — С. Р.).

Таким образом, любая ситуация есть проекция человека в объективную реальность в силу чего она и начинает выступать для него не как “вещь в себе и для себя”, а как мир — в своем предметном составе переживаемый как реальность и действительность. **Получается, что человек — существо далеко не подкожное (Выделено мной — С. Р.).**

Он представляет собой открытую систему и может быть понят как особая пространственно-временная организация. Человек не просто живет в среде, обмениваясь с ней информацией, веществом и энергией, как это подобает любой открытой системе. Не просто меняет среду, возвращая в нее переработанные, т. е. измененные им продукты обмена. Он на базе бесконечной по своим возможностям, и потому аморфной, безразличной «среды», **создает свой многомерный мир (Выделено мной — С. Р.).**

Знание о сверхчувственных (системных) качествах предметов, в которых существует «переходная» (между Духом и Материей) форма человеческого существования и есть самое сокровенное, самое таинственное психологическое знание (Выделено мной— С. Р.)»⁴³.

⁴³ Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск, 2011. Разд. «Целостный человек как предмет психологического изучения». С. 70–77.